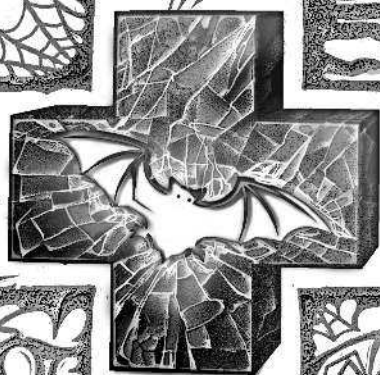

В И В И А Н Ш О У

СТРАННАЯ
ПРАКТИКА

HARLEY ST. MARLEYBONE, LONDON

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш81

Vivian Shaw
STRANGE PRACTICE

Copyright © 2017 by Vivian Shaw
This edition published by arrangement with Orbit, New York, New York,
USA. All rights reserved.

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на переплете и форзацах О. Закис

Ш81 **Шоу, Вивиан.** Странная практика / Вивиан Шоу ; [пер. с англ. Т. Л. Черезовой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Urban Fantasy. Новый Магический Реализм).

ISBN 978-5-04-095613-5

Грета Хельсинг, врач безупречной репутации, унаследовала практику отца. Последние пять лет она оказывает первую медицинскую помощь на Харли-стрит пациентам, которых для большинства из нас не существует: вампирам, оборотням, мумиям, баныши, упырям, ревматикам-пещерникам. Лечить инакоживых — дело семейное. Чудовища не кровожадны и считаются вымыслом, пока однажды религиозные фанатики не выходят из мрачных туннелей, нападая на мир живых и «не мертвых». Теперь Лондон — очень испуганный город.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-095613-5

© Т. Л. Черезова, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

В туннелях под погруженным в темноту Лондоном ревели старые механизмы. Вентиляторы размером с небольшую комнату вращались во тьме, проталкивая воздух по мертвым ответвлениям, где не ездили поезда; крысы, привычные к глухому рокоту машин, топорщили усы на распределительных коробках в сумрачных помещениях, практически забытых суетящимся на поверхности миром.

В городе, строившемся послойно, прогресс впRESSовывался в темноту век за веком, словно осадочные породы, и подземное пространство было почти таким же переполненным, как и освещенные солнцем улицы. Туннели и водоводы, трубы и кабели — рукотворная мешанина сетей — протянулись от одного края города до другого. Часть их активно использовалась, часть была заброшена, предоставлена крысам и неспешно, неотступно просачивающейся сквозь землю воде. Часть была полностью забыта, завалена давними бумагами. Многие годы тайн были сложены

стопками в плесневеющих картонных коробках, от которых давно отвалились опознавательные наклейки, осыпавшиеся на бетонные полы в глубокой, кромешной ночи.

Никто точно не знал, что остается в этих туннелях, и ни один благоразумный человек не стал бы спускаться туда в одиночку, однако некоторые замкнутые подклассы общества всегда тянулись к подобным местам: покуда есть тайны, останется потребность в норах, где можно спрятаться.

ГЛАВА 1

Над набережной Виктории восточная сторона неба уже начинала светлеть, становясь ультрамариновой, когда потрепанная малолитражка остановилась у тротуара неподалеку от моста Блэкфрайарз. Кое-где на кленах, высаженных рядком вдоль пешеходной дорожки со стороны реки, уже начали чирикать первые воробы.

Женщина вылезла из машины, закрыла дверь, выругалась, поставила сумки и снова закрыла дверь, хлопнув посильнее: один из участников движения в какой-то момент врезался ей в бок и оставил такую вмятину, из-за которой этот чертов сценарий повторялся каждый раз. Малолитражку пора было бы поменять, но даже с учетом доставшегося Грете Хельсинг врачебного кабинета на престижной Харли-стрит в деньгах она не купалась.

Грета негодуяще посмотрела на машину, а потом и на весь мир в целом, оглядываясь, чтобы убедиться, что из темноты за ней никто не наблюдает. Удовлетворившись увиденным, она взяла черный рабочий саквояж и бесформенное черное нечто, служившее ей сумкой, и пошла звонить в дверь. Сумку тоже пора было менять: кожа еще держалась, но вот подкладка уже рвалась, и

Грете надоело извлекать предметы из таинственного измерения, образовавшегося за подкладкой.

Дом, в который ее вызвали, оказался одним из великолепных старинных зданий, отделявших Темпл-гарденз от набережной: большинство из них в основном занимали юристы и издательства. Она подумала, что об особых талантах данного конкретного домовладельца свидетельствует уже то, что никому не удалось перекупить его собственность, превратив в конторы чрезмерно дорогих адвокатов, и тут же улыбнулась, представив себе, как кто-то попытался бы выдавить Эдмунда Ратвена¹ из берлоги, где он обитал уже лет двести, если не больше. Особняк был такой же достопримечательностью Лондона, как колонна адмирала Нельсона, хоть и в меньшей степени загажен птицами.

— Грета, — проговорила достопримечательность, открывая дверь. — Спасибо, что приехали в воскресенье. Я понимаю, что время позднее.

Они были примерно одного роста — метр шестьдесят с чем-то, — так что ей легко было заглядывать ему прямо в глаза — и всякий раз поражаться: такие они большие и светло-серые, что кажутся серебристо-белыми, не считая темного кольца вокруг радужки, и к тому же опушены настолько густыми угольно-черными ресницами, какие видишь обычно в рекламе туши. Ей подумалось, что выглядит он усталым. Усталым и старше, чем обычно, лет на сорок. Крайняя бледность была нормальной, яркой на фоне приглаженных черных волос, а

¹ Лорд Ратвен — персонаж рассказа Джона Полидори «Вампир» (The Vampyre, 1819). В честь Ратвена в 1989 году учреждена премия Lord Ruthven Award — «за лучшее произведение о вампирах». — *Прим. ред.*

вот тревожная морщинка между бровями нормальной не была.

— Сейчас не воскресная ночь, а утро понедельника, — сказала она. — Не беспокойтесь, Ратвен. Рассказывайте все. Понимаю, что по телефону вы в подробности не вдавались.

— Конечно. — Он протянул руки, чтобы забрать у нее пальто. — Сварю вам кофе.

Прихожая дома на набережной была выложена мрамором в черно-белую шашечку, а на столике, куда клали почту, ключи от машины и списки покупок, стоял большой бронзовый ибис. Зеркало за ним отразило Грету тусклой и зеленоватой, словно женщину под водой. Заглянув в него, она скорчила себе рожицу и заправила выбившиеся пряди волос. Они были по-скандинавски светлыми, подстрижены, как у Ференца Листа — до плеч, и такие шелковистые, что высвобождались из-под любого приспособления, каким бы она ни пыталась стянуть их сзади. Сегодня пряди уже готовы были выбиться из-под совершенно детской ленты. Грета постоянно собиралась постричься коротко и не думать о них, но вечно не находила на это времени.

Грета Хельсинг — тридцати четырех лет, не замужем — унаследовала специализированную практику покойного отца после того, как немного поработала терапевтом в больнице Королевского колледжа. Последние пять лет она оказывала первую медицинскую помощь в бывшей приемной Уилферта Хельсинга на Харли-стрит, леча таких пациентов, каких для большинства населения, по сути, если говорить прямо, и не существовало. Это у них было семейное.

Как только Грета начала обучение, не было никаких сомнений в том, какую именно медицинскую специальность она выберет: лечить инакоживых было не только интереснее, чем обычных людей, — это к тому же приносило гораздо большее удовлетворение. Грете было очень приятно, что она способна оказывать помощь клиентам, которым недостает внимания.

Пациентов Греты можно было классифицировать как чудовищных, в буквальном, а не уничижительном смысле: вампиры, оборотни, мумии, баньши, упыри, буки, ревматики-пещерники. Сама она была целиком и полностью человеком, совершенно лишенным экстрасенсорных способностей, — даже без чутья на потустороннее. Поначалу некоторым ее пациентам было сложно довериться врачу-человеку, но в течение пяти с лишним лет практики в сверхъестественной медицине Грета завоевала чрезвычайно хорошую репутацию, так что все говорили: «Обратись к Хельсинг, она надежная».

А еще она была неболтлива. На самом деле это было первым и основным правилом: чтобы ее пациенты не оказались в опасности, их существование должно было оставаться тайной, а Грета тайны хранить умела. Она тщательно следила за тем, чтобы магические охранки на ее двери на Харли-стрит оставались в рабочем состоянии, защищая всех приходящих от любопытных глаз.

Ратвен возник в дверях кухни, подсвеченный теплым светом, залившим черно-белый мрамор.

— Грета? — окликнул он.

Она выпрямилась, сообразив, что уже несколько минут пялится в зеркало, ничего толком не видя: время

действительно было позднее. Усталость тяжелыми волнами накатывала на сваи ее разума.

— Прошу прощения, — сказала она, направляясь к нему.

Как только они оказались в хорошо знакомой светлой и теплой кухне, ей стало чуть легче. Тут был сплошь голубой кафель и светлое дерево, радостные красновато-желтые медные кастрюли и сковороды уравнивали холодную утилитарность нержавеющей стали... а сейчас ее к тому же наполнял аромат по-настоящему хорошего кофе. У Ратвена была кофемашина «Ла Симбали» — серьезный агрегат.

Он вручил ей большую керамическую кружку. Грета признала в ней одну из тех, в которые он обычно наливал кровь, и невольно чуть улыбнулась, глядя на ее содержимое... а потом вынуждена была подавить нахлынувшую и совершенно неуместную растроганность: не было никаких оснований для того, чтобы из-за приготовленного для нее Ратвеном в четыре утра латте прослезиться.

Он здорово умел варить кофе, что немного бесило. С другой стороны, будь у нее столько свободного времени и лишних денег, как у него, она, возможно, тоже стала бы осваивать и оттачивать новые умения — просто для того, чтобы отогнать маячащий призрак скуки. Ратвен не предавался обычным вампирским экзистенциальным страхам, что радовало, но Грета прекрасно знала: у него бывают приступы чего-то вроде депрессии, особенно зимой, и ему необходимо чем-то себя занимать.

А вот у нее занятие есть, пришлось напомнить себе, отпивая кофе и на секунду закрывая глаза: вкус у этого кофе был не хуже его аромата, а может, даже и лучше.

«Сосредоточься, — приказала она себе, — ты не в гости пришла». Судя по спокойному поведению Ратвена, ситуация была не экстремальной, однако она приехала сюда работать.

Грета слизнула с верхней губы кофейную пену.

— Ну, — проговорила она, — рассказывайте, что случилось.

* * *

— Я... — Ратвен со вздохом привалился к столу, скрестив руки на груди. — Честно говоря, сидел, плевал в потолок и писал гадкие письма в «Таймс» насчет того, как ненавижу эти отвратительные небоскребы, которые нашим вандалам позволяют строить по всему городу. Как раз дошел до особо едкой фразы насчет тех, кто поджигает чужие машины, — и тут кто-то постучал ко мне в дверь.

Стадия пассивно-агрессивных писем говорила о том, что уровень его хандры приближается к критическому. Грета молча кивнула, внимательно глядя на него.

— Не знаю, читали ли вы низкопробную книжонку под названием «Вомпир Варни, или Кровавый пир»¹, — продолжил он.

— Сто лет назад, — ответила Грета. Она прочла практически всю классику ужасов, как хорошо известных, так и не слишком — в исследовательских целях, а не ради их литературных достоинств. Большинство произведений было полно более или менее забавных заблуждений в отношении тех личностей, которые якобы в них

¹ «Варни-вампиры, или Кровавый пир» Джеймса Ранера и Томаса Преста — один из первых романов ужасов о вампирах (Varney the vampire or, The feast of blood, 1847). — *Прим. ред.*

изображались. — Она была гораздо смешнее вашей неофициальной биографии, вот только сомневаюсь, что намеренно.

Ратвен поморщился. Он утверждал, что «Вампир» Джона Полидори был по большей части клеветой: одного упоминания этой книги оказывалось достаточно, чтобы вызвать возмущенные заверения в том, что между ним и лордом Ратвеном, фигурирующим в повествовании, нет ничего общего, кроме фамилии.

— Авторы хотя бы пишут без ошибок, в отличие от чертова Полидори, — проворчал он. — Я бы сказал, в «Кровавом пире» примерно столько же исторической правды, что и в «Вампире», иначе говоря — не слишком много, но там хотя бы в именовании нет ошибок: Варни, в отличие от меня, вампир.

— С лунной зависимостью? Я с такими еще не сталкивалась, — сказала она. Сквозь усталость пробился академический интерес.

Все вампиры, с которыми она была знакома, относились к классическим дракуланам — таким был и сам Ратвен, и еще несколько других лондонцев. Луннозависимые встречались намного реже вампиров-дракуланов по нескольким причинам, главной из которых была острая (и крайне неудобная) аллергия на любую кровь, кроме крови невинных девушек. Конечно, у них было и очень удачное свойство возрождаться от лунного света в случае своей гибели, что, надо полагать, служило небольшим утешением в процессе мощного кишечного расстройства, вызванного отклонением от диеты.

— Ну что ж, — отозвался Ратвен, — теперь столкнетесь: он объявился у меня на пороге без всякого предупреждения, в таком состоянии, что краше в гроб кладут, — и потерял сознание прямо в прихожей. Сейчас

он спит на диване в гостиной, и мне хотелось бы, чтобы вы его осмотрели. Не думаю, что есть реальная угроза, но он ранен (похоже, какие-то маньяки накинудись на него с ножами), и мне было бы спокойнее, если бы вы взглянули.

* * *

Несмотря на относительно теплую погоду, Ратвен разжег камин, а существо, лежащее на диване, оказалось укрыто двумя одеялами. Грета перевела взгляд с него на Ратвена, а тот чуть пожал плечами, озабоченно нахмурившись.

По его словам, сэр Фрэнсис Варни со всем своим аристократическим званием и прочим вышел из обморока быстро и весьма оживился, получив кое-какую первую помощь и кружку подходящей горячей крови, сдобренной бренди. У Ратвена в дорогом холодильнике с морозилкой хранились запасы всех видов этого продукта, пополняемые Гретой за счет довольно-таки незаконных манипуляций с поставками (она знала кое-кого, кто знал другого кое-кого, кто работал в банке крови и не гнушался спасением не годящихся к использованию доз от печи для уничтожения биологически опасных материалов).

Сэр Фрэнсис выпил все содержимое кружки с явным удовольствием и моментально заснул, как только Ратвен перестал ему мешать, после чего Ратвен позвонил Грете и попросил приехать к нему на дом.

— Мне что-то не нравится его вид, — объяснял Ратвен теперь, стоя в дверях с нехарактерной для него нерешительностью. — У него небольшое кровотечение — рана на левом плече. Я ее промыл и перевязал, но кровь продолжает сочиться, что на нас не похоже.

— Да, — согласилась Грета, — не похоже. Возможно, луннозависимые и классические дракуланы по-разному реагируют на травмы тканей, но все равно регенерация уже должна была закончиться. Вы правильно сделали, что позвонили.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил он, оставаясь в дверях.

Грета придвинула к дивану стул и села.

— Может, еще кофе? Идите, Ратвен. Я буду здесь, а вы идите дописывать свое недоброе письмо редактору.

Когда хозяин дома ушел, она заправила волосы за уши и наклонилась, чтобы осмотреть пациента. Тот занял в длину весь диван: голову пристроил на один подлокотник, а одну узкую ступню положил на другой, выпростав из-под одеял. Быстро прикинув, Грета решила, что он по крайней мере на пятнадцать сантиметров выше Ратвена, а может, и больше.

Его спутанные волосы, пронизанные сединой, были впечатляюще длинными — типичная прическа стареющего солиста рока, как подумалось Грете, однако больше ничего в нем не соответствовало стилю Мика Джаггера. Старомодное лицо, почти пуританское: длинный узкий нос, глубоко посаженные глаза под густыми бровями, узкие губы, обведенные привычными морщинами осуждения.

«Или боли, — подумала она. — Это может быть боль».

В камине сдвинулось полено, заставив Грету чуть вздрогнуть, и она постаралась справиться с разбегающимися мыслями. С искрой неприятного удивления она отметила, что видимые участки кожи у Варни блесят от пота: этого и правда не должно было быть.

— Сэр Фрэнсис? — тихо сказала она и наклонилась, чтобы прикоснуться к накрытому одеялами плечу.